

Людмила КОЖУРИНА, Александр ЛОБОК
Тайники профессии
(газета «Первое сентября», №7, 2011)

Уже в классах. Уже учим, первые отметки ставим. Себя оценивать тоже не забываем. Такой ли я учитель, идеал которого известен, но так труден в воплощении? При этом каждый опирается на какие-то свои представления о хорошем учителе.

Но в образе ли дело? Ведь педагогический результат зависит не от имиджа учителя, а от его способности общаться, взаимодействовать, выстраивать отношения. Идти по пути искренности. Быть собой.

Об этом – несколько живых учительских историй.

Три команды на любой случай

Новый класс. Что это за разговоры: как примут тебя да наладятся ли отношения? Я знаю анекдотическую ситуацию, когда молодая учительница, начитавшись педагогических книжек о том, что кричать некрасиво, задавалась вот этими самыми вопросами и только людей насмешила. Войдя в класс, где шумели дети, она постояла у стола и вышла. Потом опять вошла, но на нее опять не обратили внимания. И так она раз пять входила и выходила, и никто не обращал внимания на ее путешествия в коридор.

Нет! Энергичные педагоги входят в класс, как укротители в клетку с хищниками. На первый случай достаточно двух-трех команд: «Встали!», «Сели!», «Открыли тетради!» И никаких посторонних разговоров. Сразу писать или решать – смотря чем вам положено заниматься по предмету.

Не правы те, кто на первых уроках стремится поразить, вдохновить, увлечь учеников. Учитель читает стихи, поет песни, рассказывает потрясающие истории, игры проводит. В общем, подслащивает горькую пилюлю. Честнее – напугать. Обратит внимание на толщину учебника, на список тем в оглавлении, на виды контрольных работ, которые ожидают. Дать задание повышенной сложности. И побольше заумных слов употребить! Чтобы почувствовали: есть к чему стремиться, куда расти.

Сергей Мариненко
«Сильный» учитель

Способность ребенка получать новый опыт неисчерпаема.

Вот в класс заходит тот, кого мы привыкли называть «сильный учитель». Он твердо знает, что, зачем и как. И дети у него шелковые, осваивают все, что полагается по программе.

Но, к счастью, человек – это существо, которое умеет жить вопреки.

И пока «сильный» учитель уверенно ведет детей к их светлому будущему, сами дети занимаются тем, что исподтишка изучают его типаж, а потом карнализуют его и смеются над ним – порой жестко и безжалостно... Ведь для них он всего лишь средство для получения нужных оценок... Но разве не он сам преподавал им этот урок?

Зарекался же: не надрываться

В новую школу я перешел с твердым решением не надрываться. Хватит. Эмоциональный резервуар был переполнен. Пора дать себе немного отдохнуть. То есть работать как положено – от сих до сих, не беря ничего ни в печенку, ни в голову, ни в сердце. Спокойно, без нервов. Если не равнодушно, то и не пристрастно.

Первое сентября: торжественно, суетно, бессмысленно. Я провел рутинный классный час, сдал отчет завучу, получил от него временное расписание на пару ближайших дней, поговорил после уроков с прежним активом своего класса и собрался домой.

Вышел на крылечко школьного здания. И остановился. О чем я задумался? Дело в том, что у меня в классе должен был учиться отъявленный второгодник. Даже не второгодник, а третьегодник. Хулиган-переросток. Личность легендарная и неисправимая. Опытные учителя советовали мне с ним особо не мудрствовать и иллюзий не питать – все равно ходить в школу не будет. Надо систематически отмечать его пропуски в журнале, не забывать подавать докладные начальству и, главное, не переживать, что вполне входило в мои стратегические планы. Так что сегодня я, как и советовали, отметил его пропуск, написал специальную докладную и спокойно пошел домой. Так о чем же я задумался, остановившись на крылечке школы? «Домой идти или все-таки быстренько, пока тепленький, к нему, к этому неисправимому, заскочить? Можно, конечно, для первого раза и позвонить. Но ведь толку-то от звонка никакого. А в том, что нагрюну неожиданно с визитом, тоже, честно говоря, смысла мало. Не надо брать в голову, не надо создавать себе лишние проблемы. Зарекался же: не надрываться, не лезть на рожон. И хватит торчать на школьном крыльце». Сказано – сделано. И я пошел. Первого сентября. После уроков. Прямо к нему домой.

Михаил ЛЬВОВ
Надеющийся учитель

Главные координаты труда подлинного учителя – сомнение и надежда. Сомнение в правильности того, что ты делаешь, и надежда на то, что что-то сделать все-таки можно. Если есть эти две координаты в деятельности учителя, значит, есть и то, что мы можем назвать педагогикой. Все остальное – всего лишь орнамент. Напои, накорми, а потом спрашивай!

Первого урока в знакомом классе ждешь с удовольствием и даже с нетерпением. Придумываешь что-нибудь радостное для встречи. Иду на первый урок с арбузом. Мы садимся вокруг сдвинутых столов, лопаем сочную красную мякоть, учимся чувствовать друг друга (вовремя протянуть салфетку, не толкнуть под локоть), понимать шутки и намеки. Можно вволю поболтать, и не обязательно по очереди, можно обсудить серьезные проблемы, наметить важные дела. Конечно, записывать что-то в такой обстановке невозможно, многое забудется. Не страшно. Еще будет время писать, соблюдать правила дискуссии. Но от первого дня останется ощущение праздника, ожидание увлекательного продолжения. Хорошо бы теперь удалось все уроки построить так, чтобы не обмануть эти ожидания. Кстати, после совместного поедания арбуза нужно как следует убрать, выбросить корки, подмести косточки, вытереть липкие пятна на столах. Совместная уборка помогает лучше вспомнить друг про друга. И это, между прочим, не подготовка к учению, а оно само. Ученик открывается навстречу учебной жизни, готовится принять ее не только головой, но и всем своим существом. Поэтому я обязательно спрошу их: «Чем нравилось заниматься летом и есть ли в школе возможность продолжить это занятие?»

Лариса БЕРЕЖКОВА
Наслаждающийся учитель

Какое счастье, когда арбуз и разговоры за арбузным столом – это не «педагогическое средство» для того, чтобы заманить ребенка в учебную деятельность, а то, что позволяет просто быть. Назовем это принципом арбуза.

Принцип арбуза – это принцип подлинности и первичности человеческих отношений и человеческого общения по отношению к любому рода учебно-педагогическим задачам.

Когда дети и учителя собираются за столом (или собираются на урок) не потому, что они должны решить какие-то учебные задачи, а просто потому, что есть вкусная, сочная арбузная мякоть или есть вкусное, сочное содержание их общения друг с другом.

Тогда-то и получается настоящее образование!

А вдруг не удастся освободиться от своей правильности?

После лета, после неудачной экспедиции с учениками я поняла: дети совершенно не присваивают знания, полученные на уроке, совершенно не могут ими воспользоваться. Знания отдельно – жизнь отдельно. Спросила у ребят в походе: «Если вы чувствуете запах чего-то, значит ли это, что данное вещество находится рядом с вами?» «Нет!» – дружно ответил коллектив, даже не задумавшись, что такое запах, откуда он берется.

Я решила, что с Первого сентября все на моих уроках будет по-другому. Приду с водой, огнем (спиртовкой), может быть, с микроскопом, если достану. Вот вода – речная, водопроводная, минеральная. Что с ней можно делать, почему у нее разный вкус? Что получится, если нагреть, заморозить, выпить, растворить?..

Вот простые продукты. Свекла, морковь, подсолнечное масло. Почему от свеклы вода стала красная, а от морковки нет? А масло изменит цвет? Слово «краситель». Это что такое? Как его пощупать?

Будем иметь дело только с реальными объектами. Вернемся в живой мир, станем его исследователями или хотя бы осознанными пользователями, понимающими, что нас окружает.

Никогда еще я не ждала учебного года с таким страхом. А вдруг опять вместо совместной работы начнутся конфликты, соперничество, тайная и явная недоброжелательность – то, на что так горазды дети? И еще. А вдруг мне самой не удастся освободиться от присущих мне правильности и занудства?

Ирина ДВОРЯНЧИКОВА **Изобретающий учитель**

Может, главное, что способен сделать в своей жизни учитель, – это попробовать выкарабкаться из собственных представлений о правильности. Ведь как часто правильное мешает истинному!

Абсолютный закон педагогики: делай то, что по-настоящему интересно тебе, размышляй и разговаривай с детьми о том, в чем есть зона твоего собственного непонимания, не пытайся увлекать тем, в чем ты не можешь обнаружить своей увлеченности, – и тогда твоя образовательная встреча с детьми состоится.

Мой первый вопрос первого сентября

Сколько чувств, эмоций остается за чертой, проведенной в душе ребенка первого сентября! Я не оставляю их за порогом, пропускаю в учебный класс.

– Какое бывает небо?

Кто-то бежит к окну, пытаясь заглянуть за раскрытую фрамугу. Кто-то сразу кричит:

– Подвижное!

– Бездонное!

– Пушистое!

– Вонючее!

Один отошел от окна и тихо сказал на ушко: «Защищающее». Я снова спрашиваю:

– А на что похоже?

У одного на море, у другого на калейдоскоп. Еще на пожар. На скопище слонов. Они рисуют небо своего настроения, и получается, что хоть ты и сказал «пушистое», в рисунке оно у тебя вышло тяжелое.

Когда рисунки ложатся на учительский стол, удивляешься: сколь различно в одном месте и в одно время люди могут чувствовать. Нетрудно достроить мысль: имя этому месту – Школа. Имя времени – Урок.

А мы продолжаем творить мир:

– Какая луна!

– Как самаркандская дыня!!!

Елена ШУРИНА **Удивляющийся учитель**

Все мы знаем, в чем состоит роль ученика и в чем состоит роль учителя.

Но что, если взять и забыть про учебные роли и просто попробовать друг другу удивиться? Удивиться тому, что в каждом из нас – во взрослых и детях – есть свои чувства и свои мысли?

Может, тогда и возникнет урок, о котором сегодня мы чаще всего лишь мечтаем?

Тогда я взял гитару и стал петь...

Уж конечно, я не собирался стать учителем. Хотя в педагогическом училище я все-таки бывал часто, но не учился там, а играл с Сережкой в рок-ансамбле “девочек дневного отделения педучилища № 8” – так однажды объявили наш ансамбль на дискотеке.

Впоследствии Сережка стал директором школы. И свой первый урок я провел для того, чтобы доказать другу детства, что я такой же педагог, как он – солист Большого театра.

Сережка спросил у меня:

– Тебе парты как ставить – как обычно или как?

– Мне парты вообще не нужны – писать нечего. Пусть на стульях в кружок сядут. Так проще.

Переменка кончилась, Сергей представил меня четвероклассникам и удалился за дверь. Что я говорил, что делал – толком не помню. Какие-то обрывки...

– Ребя-я-ята! А вы знаете, что такое музыка?.. Вот если птичка поет – это музыка или нет? А если дверь скрипнула?

И так далее, в том же духе... Дети вдруг повскакивали с мест и, столпившись вокруг меня, стали наперебой отвечать. Причем все одновременно. Я не ожидал такого поворота событий и совершенно растерялся. Что делать? Перекричать весь этот ор я был не в состоянии. Утихомирить – не мог. Говорить, что я “выпустил инициативу из рук”, было бы неправильно, ибо ее у меня и не было. Я понял, что толком не знаю, о чем говорить, как говорить и, главное, зачем. Судорожно пытаюсь уловить смысл происходящего, я вертел головой, что-то бормотал, потом предпринял попытку усадить детей обратно на стульчики – без толку.

Тогда я взял гитару и стал петь. Помогло! Через минуту мы уже пели хором. Я чувствовал, что у меня горят уши, щеки и нос, но делал вид, как будто все в порядке. На самом деле я думал только об одном: “Скорей бы это кончилось!” Мне было уже все равно: урок, дети, музыка, педагогика.

Тут вмешался Сергей. Сделал он это очень тактично и легко. Дети сразу утихомирились, записали домашнее задание и разбежались по домам.

– Вот видишь? Что я тебе говорил! – сразу же заныл я, как только мы остались одни.

– Все правильно. Нормально. Будешь вести музыку.

– У меня и пособий никаких нет. И не справлюсь я с целым классом, – тихо стонал я.

– Не справишься, конечно. Будем делить класс пополам: полкласса – на рисование, полкласса – на музыку. Потом наоборот. С половиной класса ты справишься?

– А в каком порядке учить? Что за чем?
– Есть программы. Возьми в библиотеке. Почитай книжки.
Взял я эти программы, почитал книжки. По смыслу-то все правильно, но ведь тоска смертная! Я представил свою дочь, входящую в класс под марш Кабалевского. Бр-р-р...
– Ты мне скажи: я должен учить их музыкальной грамоте или нет?
– Начни с подготовки к уроку. Напиши план. Прикинь время – сколько займет пение, сколько прослушивание музыки или музыкальная грамота. Не должно быть никаких пауз. Надо держать темп...
В общем, просветил.
...Время пошло. С каждой неделей становилось легче. Весь в мыле я уже не бегал. Откуда-то появилась уверенность в себе. С годами – кураж. То на дом задам выпилить лобзиком ноту “си”, а то, надев на голову чехол от гитары, заставляю ноты угадывать...

Сергей САВЕЛЬЕВ
Непосредственный учитель

Мы боимся своей человеческой нелепости и учительской растерянности перед детьми, воспринимаем это как заведомую неудачу.
Но проходит время, и мы понимаем, что как раз в непосредственности и искренности наших самых первых встреч и заключалась истинная педагогика.